

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 124—134.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 3. P. 124—134.

Научная статья

УДК 94(47)"1917/1920":929

EDN <https://elibrary.ru/fhqhad>

DOI: 10.46726/И.2025.3.14

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СКИТАНИЯ Ф.В. ТАРАНОВСКОГО КАК ПРИМЕР СУДЬБЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1917—1920 ГГ. (к 150-летию со дня рождения ученого)

Любовь Владимировна Исакова

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия, gorkova.l.v@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению личной жизни, преподавательской, общественной и политической работе историка права, профессора Федора Васильевича Тарановского в период с 1917 г. по 1920 г. Хронологические рамки исследования обусловлены необходимостью рассмотрения его биографии в сложный исторический период революции и Гражданской войны в России. На основе привлечения архивных материалов, а именно писем Тарановского другу, попечителю Рижского учебного округа В.Э. Грабарю, воспоминаний его коллеги по Киевской Академии наук, механика С.П. Тимошенко был реконструирован важный этап жизни ученого. Выводы по итогам проведенного исследования позволяют говорить о том, что судьба Федора Васильевича, наполненная жизненными неурядицами и экономическими проблемами, является классическим примером судьбы представителя русской интеллигенции указанного времени. Именно анализ жизни и деятельности Тарановского в 1917—1920 гг. позволяет ответить на вопрос, почему же он, как и многие другие представители русской научной элиты начала XX в., был вынужден покинуть пределы Родины.

Ключевые слова: Тарановский, революция, эмиграция, научная работа, Академия наук, письма, воспоминания, Юрьев, Петроград, Харьков

Для цитирования: Исакова Л.В. Революционные скитания Ф.В. Тарановского как пример судьбы представителя русской интеллигенции в 1917—1920 гг. (к 150-летию со дня рождения ученого) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 3. С. 124—134.

В отечественной исторической литературе период жизни крупного российского историка права Федора Васильевича Тарановского (1875—1936) между 1917 и 1920 гг. представлен предельно упрощенно. Исследователи, как правило, указывают, что вначале ученый-правовед поддержал революцию, даже выступил с публичной лекцией 11 марта 1917 г. в Юрьеве (бывшем — Дерпте, Российская империя, ныне — Тарту, Эстония), в которой обосновал причины падения старой власти («измена государственным интересам России») и выдвинул задачи «нового государства» [Михальченко 2017: 24].

Сегодня С.И. Михальченко констатирует, что с июля 1919 г. Тарановский входил в состав Особого Агитационного Отряда Отдела Пропаганды Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге

России и читал публичные лекции; участвовал в создании Украинской академии наук, был избран деканом юридического факультета в Екатеринославе (совр. город Днепр), а далее получил «искомую кафедру» истории западноевропейского права в Харькове [Там же: 25]. Однако дальнейшее развитие событий вынудило его искать пристанища за пределами Родины, которое он сам рассматривал как временную меру и не терял надежды на возвращение.

В.А. Томсинов отметил, что в период Гражданской войны Тарановский «следовал за Белой гвардией и преподавал курс истории русского права в университетах, городах, находившихся под контролем белогвардейских властей: в Харькове, Екатеринославе и Симферополе», а с осени 1919 года — на юридическом факультете Таврического университета [Томсинов: 219—220].

Изучая условия жизни российских ученых в годы Гражданской войны, А.Н. Еремеева пришла к выводу, что многие из них «стояли во главе контрреволюционных центров, союзов, принимали активное участие в формировании белогвардейских правительств». К их числу автор относит и Тарановского, который, по мнению исследовательницы, сотрудничал с деникинским Осведомительным агентством [Еремеева: 168].

Даже Е.А. Гончарова, специально обращавшаяся к вопросу «комплексной реконструкции жизни и деятельности Тарановского в указанный период» [Гончарова: 342], довольно обзорно описала произошедшие изменения в жизни ученого. Основным источником автора являются письма Тарановского его другу и соратнику Владимиру Ивановичу Вернадскому (1863—1945). Здесь же встречается упоминание о том, что Тарановский в 1919 г. покинул Киев и направился в Крым, «где вскоре вступил в Добровольческую армию» [Там же: 343], что не подтверждается ни архивными источниками, ни ссылками на печатные издания.

А.Л. Бредихин и Г.С. Кириенко указали, что после Октябрьской революции ученый вынужден был покинуть Россию и эмигрировать в Украину. Его надеждам, связанным с Харьковским университетом, где планировалось открыть специальную кафедру истории права, не суждено было сбыться. Некоторое время он работал в Екатеринославе, а затем в Крыму на юридическом факультете Таврического университета, а по мере развития революционных событий, весной 1920 г., вынужден был вместе с семьей эмигрировать в Сербию [Бредихин, Кириенко: 86—87].

Как видно из приведенного анализа историографии вопроса, многие исследователи отмечали частые перемещения Тарановского из одного города в другой, его работу сразу в нескольких учебных заведениях, даже указывали на причастность к белогвардейским силам. Однако комплексного исследования данного периода жизни историка права, видимо, не предпринималось. Общие сведения о его жизни кочуют из одной публикации в другую. Основой для них является обширная статья С.И. Михальченко, опубликованная в 2017 г. в журнале «Вопросы истории». Следовательно, имеется потребность изучения данного периода жизни Тарановского путем привлечения новых источников и уточнения отдельных фактов его биографии. Указанный хронологический диапазон очень важен для детального рассмотрения. Именно с событиями 1917 г. Михальченко абсолютно верно связывает окончание «важного периода в жизни и творческой деятельности» ученого [Михальченко 2017: 25]. В этом ключе считаем необходимым отметить, что короткий по времени этап (1917—1920 гг.) жизни Федора Васильевича был весьма насыщен новыми событиями

и новыми идеями. Изучение последнего требует введения в научный оборот новых исторических источников.

В рукописном отделе Российской государственной библиотеки (далее — РГБ) находится обширная переписка Тарановского (включая письма, телеграммы, почтовые карточки) с профессором кафедры международного права в 1907—1908 и 1915—1916 гг., деканом юридического факультета с 1910 по 1915 гг. и параллельно директором университетской библиотеки Юрьевского университета, а с 1917 г. — попечителем Рижского учебного округа Владимиром Эммануиловичем Грабарем (1865—1956). Весь массив писем разделен на четыре единицы хранения (за 1908—1909; 1917—1919; 1926—1927; 1928—1929, 1931 и 1933—1935 гг.) примерно равные по объему. Для целей настоящей работы особую ценность представляют письма Тарановского Грабарю за три года: 1917, 1918 и 1919.

Роковой 1917 г. ученый встретил в Юрьеве, на что указывает адрес на его почтовом отправлении другу от 2 января 1917 г. [РГБ. Ф-376. Ед. хр. 33: 1]. Уже спустя месяц Федор Васильевич находился в Петрограде, погруженный в работу в Государственном архиве [Там же: 7]. Командировку от Юрьевского университета, представление о которой «с 1 января 1917 г. на 4-ть года» было положительно рассмотрено Академией наук и Министерством народного просвещения, Тарановский воспринял с энтузиазмом, намериваясь заняться подготовкой научного издания Устава Благочиния Екатерины II [РГБ. Ф-376. Ед. хр. 32: 67].

В Петрограде он стал свидетелем Февральской революции. 11 марта 1917 г. выступил в Юрьеве с публичной лекцией [Михальченко 2017: 24], в которой отразил свое отношение к происходящему в России перевороту. Содержание этого выступления подробно анализирует С.И. Михальченко, который, однако, ошибочно указал, что в столицу ученый больше не вернулся [Там же: 25].

25 апреля 1917 г. Тарановский вместе с семьей приехал в Харьков, условия жизни в котором «не лучше и не легче Петроградских» [РГБ. Ф-376. Ед. хр. 33: 12], — вспоминал ученый в письме Грабарю. Возвращение в «благодатный Юрьев» [Там же] не представлялось возможным из-за политической ситуации в самом городе и приближающегося фронта Первой мировой войны. Все надежды Тарановского были связаны с летним отдыхом на даче, который обычно был довольно плодотворен в научном плане. Но ожиданиям его не суждено было сбыться: «Самочувствие у меня отвратительное. Все под знаком вопроса: и общее положение, и частная жизнь. Не хорошо» [Там же: 13], — писал он Грабарю 9 мая 1917 г. из поселка Покотиловка Харьковской губернии. В письме от 25 мая он указал: «Раздобыл книг из Харьк[овской] унив[ерситетской] библиотеки и работаю... Насчет общего... — плохо» [Там же: 14].

Друзья и коллеги регулярно извещали его о положении в столице. Так, 6 июля 1917 г. он, уже получивший телеграммы из Петрограда о событиях 3 июля, с грустью писал Владимиру Эммануиловичу: «Всякое выяснение положения лучше неопределенности. Законы истории непреложны, и да будет воля Твоя! — В Петроград я не поехал... Много читаю и вообще работаю всюю. Это лучшее средство... живем на вулкане» [Там же: 15]. Особенно тревожила Тарановского мысль о предстоящем будущем. В письме от 15 июля он указал, что избран в основанный годом ранее на базе Харьковских высших коммерческих курсов Коммерческий институт. Эта работа приносила ему «в смысле материальном... 4800 р. — 2 лекции и семинарство». Семью он планировал оставить на весь учебный год в Харькове [Там же: 17]. Но в письме от

29 июля выражал опасения: «Только что прочел постановление Временного Правительства: “Признать незаконным вознаграждение лиц, состоящих на государственной службе и работающих в нескольких учреждениях одновременно, за труд во всех этих учреждениях”^{*}. Если отсюда следует запрет совмещения профессур, то я лично окажусь в положении критическом. Утешаюсь тем, что В.Ж. [Высшие женские] курсы и Комм[ерческий] Институт дают вознаграждение из общественных и частных средств, а не из сумм государственного казначейства» [Там же: 19]. Уже 13 августа он сообщил о своих ближайших планах: «Числа 1—3 сентября выеду в Петроград для архивных занятий, академической и политической работы, если, само собой разумеется, Петроград не эвакуируют и не сдадут немцам к тому времени. На будущей неделе читаю на агитационных курсах к.-д. [конституционно-демократической партии] в Харькове курс: “Государственно-правовое и социальное содержание народной свободы” [Там же: 20].

С приездом Тарановского в Петроград в сентябре 1917 г. ситуация в его личной жизни серьезно изменилась. «Я попал сегодня в гущу всяких комиссий, факультетских и советских заседаний. Верчусь, как белка в колесе. Прямо некогда дохнуть», — указал он в письме другу 16 сентября [Там же: 23]. «Вот расписание дня у меня на 18-ое [сентября]: 11 ч. утром экзамен в Гос[ударственном] Ком[итете], 2 ч. дня заседание комиссии по устройству Иркутского университета, в 7 ½ ч. веч[ера] — факультет (выборы декана и пр.), — известил он Грабаря. — Занят по горло... сейчас в комиссии ликвид[ации] по делам Царства Польского» [Там же: 22]. То же самое писал он и 26 сентября: «Сижу в Питере и верчусь, как белка в колесе, по разным заседаниям: факультета, совета и всевозможных комиссий: по основанию Иркутского университета, Ташкентского университета, по преобразованию Алекс[андровского] лица, в ликвидационной комиссии по делам Царства Польского. Насаждаю культуру и отстаиваю русские государственные интересы. В общем рад коммиссионной сутолоке, п[отому] ч[то] самочувствие человека и гражданина у меня отвратительные, и прямо-таки жутко оставаться на один с самим собою. Работать научно сейчас, к сожалению, не могу» [Там же: 24].

6 октября он указал в письме Грабарю: «У нас относительно спокойно. Готовимся к выборам в Учредительное собрание (12—14 ноября). Я состою по избранию районной управы председателем одной из участковых избирательных комиссий на Вас[ильевском] Острове. В университете лекции приостановили, на В.Ж.К. [Высших женских курсах] идут непрерывно» [Там же: 26]. Однако уже 24 октября в 6 часов вечера телеграфировал: «Разведены мосты, отрезаны мы от города, ждем» [Там же: 27]. Так Тарановский оказался в гуще событий Великой Октябрьской революции. Только 20 ноября сообщил он в письме другу: «У нас... все спокойно теперь, но положение критическое; это чувствуется, и нервы переутомлены. Лекции идут всюду, кроме Лицея. 12—15-ое просидел в избирательной комиссии нашего участка, где председательствовал. Работаю в В.О. [Васильевского острова] районном комитете к.-д.

^{*} Имеется в виду Постановление Временного Правительства от 13 июня 1917 г. «Об установлении временного расписания должностей и окладов содержания служащих в центральном управлении Министерства народного просвещения». См.: Россия (1917, февраль—октябрь). Законы и постановления. Сборник указов и постановлений Временного правительства: Вып. 2.: 5 мая — 24 июля 1917 г. Ч. 1. Отд. I—VIII (1). Пг.: Государственная типография, 1917. С. 86—89.

[конституционно-демократической партии]» [Там же: 28]. 30 ноября 1917 г. Федор Васильевич покинул Петроград [Там же: 35]. В конце декабря 1917 г., будучи уже с семьей в Харькове, ученый писал: «Не взирая на все невзгоды и крайне печальную перспективу прекращения выплаты жалования, все же занимаюсь довольно систематично» [Там же: 31]. Именно в научной работе он видел единственное утешение и выход в сложившейся ситуации.

Первые имеющиеся в архиве РГБ письма Тарановского к Грабарю за 1918 г. относятся к маю. Ученый сообщал: «После ужасов большевизма живем теперь спокойно... Все живы и здоровы. Из Петрограда ничего не получаю и пробавляюсь остатками того, что было припасено на черный день. Настали черные дни и месяцы. Вопрос о дальнейшем существовании при безумной дороговизне, стоит у меня весьма остро» [Там же: 32]. Он отказался от «места председателя кодификационной комиссии», предложенного ему М.П. Чубинским (1871—1943), который с апреля по июль 1918 г. занимал пост министра судебных дел в правительстве гетмана П.П. Скоропадского (1873—1945), а с июля 1918 г. был сенатором и председателем Уголовного суда Украины. В то же время Федор Васильевич указал, что «Екатеринославские В.Ж. [Высшие женские] курсы приступают к устройству факультетов историко-филологического и юридического. Предлагают мне взять на себя организацию последнего. Я согласился». Однако перспектива научной и научно-организационной работы была весьма туманна: «Никто еще не знает, на каких условиях зовут туда профессоров (определена только плата мне за организацию) ... Будет пока 1 курс». Письмо завершается скромной просьбой к другу: «Не останетесь ли Вы в Дерптском университете? Если да, возьмите меня» [Там же: 33].

«Харьков отрезан от Москвы и Петрограда, — писал ученый Грабарю, сетуя на полное отсутствие сведений о политическом положении в России. — Мы все, слава Богу, пока здоровы и живем помаленьку, как можно жить при нынешнем положении дел. На днях ожидаются обыски и “реквизиции” (т. е. ограбление) всех буржуазных квартир» [Там же: 34 об.]. «Стрельба по городу — дело обычное... Я много читал и работал в различных направлениях, но последние дни ослабел в работе. Заработок по университету, очевидно, в январе прекратится. На В.Ж.К. [Высших женских курсах] за отсутствием средств не платят (это постановлено в заседании 25 ноября, в котором я еще присутствовал); Комм[унистический] институт, очевидно, приостановит платежи, потому что он финансируется Аз.-Донск. [Азовско-Донским коммерческим] банком, который “национализирован”. Задумываешься, на что же жить придется, когда иссякнут сбережения, которых хватает у меня максимум на полгода. При предстоящей общей безработице интеллигенции трудно найти будет какой-либо заработок... при деятельном моем участии разрабатывается здесь проект учреждения Харьковского общества университетских курсов в качестве трудового кооператива. Авось что-либо заработаем здесь и особенно круговыми поездками по другим городам. — Страшно подумать, что, пожалуй, придется голодать с семьей, особенно страшно за детей. Вот до чего дошли, и виной тому умственная анархия, которую систематически культивировала “русская интеллигенция”» [Там же: 35].

Летом 1918 г. Федор Васильевич читал лекции в Полтаве на временном юридическом факультете [Там же: 34, 39]. В последнем письме Грабарю за 1918 г. Тарановский писал: «Предвижу неизбежную реставрацию Николая II. При реставрации, очевидно, лишусь кафедры в Петроградском университете. Посему на всякий случай прошу Вас иметь в виду мою реставрацию в Юрьеве.

На сей случай попридержите одну из вакантных кафедр, — энциклопедии или истории русского права» [Там же: 35].

В конце 1918 г. Тарановский сообщал в письме В.И. Вернадскому, что в Екатеринославе 6—7 декабря была стрельба. Столкновение возникло между казаками и офицерским корпусом, отпавшим от гетмана. «Сражение приостановлено вмешательством немецкого гарнизона» [Еремеева: 149]. Ситуация в городе накалялась, власть переходила из рук в руки. Тарановский вынужден был искать другое пристанище. 13 января он прибыл в Киев, где вместе с другими видными учеными того времени приступил к созданию Украинской Академии наук [РГБ. Ф-376. Ед. хр. 33: 39 об.].

Пытаясь найти хоть какую-то подработку, он старался закрепиться в университете Харькова, что было весьма кстати, т. к. там проживала его семья. Наконец, искомая кафедра была им получена, о чем он и уведомил В.Э. Грабаря: «21 февраля избран Советом Харьк[овского] Унив[ерситета] на кафедру западнорусского права. Предлагали совмещение с Киевской академией. Вряд ли оно, однако, удастся. По совету Влад[имира] Иван[овича] Верн[адского] пока ни от чего не отказываюсь, ибо все теперь неопределенно» [Там же: 38].

Письмо другу из Киева от 5 марта 1919 г. Тарановский написал на бланке Украинской Академии наук, где уже занимал должность председателя отдела социальных наук. Последний первоначально возглавлял экономист, социолог и историк М.И. Туган-Барановский (1865—1919), а после его смерти 21 января 1919 г. председательство перешло к Федору Васильевичу.

«Сообшу кратко о своих скитаниях, — начал ученый в письме к другу. — С сентября действовал в Екатеринославе на кафедре истории русского права в качестве декана... Семья оставалась в Харькове, где и теперь пребывает. Последний раз побывал у них 22 окт[ября] на Казанскую. На Рождество не удалось приехать в Харьков, — пришлось просидеть в осаде в Екатеринославе. С половины ноября состою академиком Украинской Академии наук по кафедре сравнит[ельной] истории права. Только в половине января удалось явиться в Академию. Много здесь организационной работы» [Там же: 37]. Он также поставил Грабаря в известность, что председателем Академии состоит один из ее основателей — В.И. Вернадский [Там же]. И далее отметил: «Харьковский университет избрал меня на днях на кафедру истории западнорусского права. Можно это совмещать с Академией. Во всяком случае это страхование. Что будет дальше и где буду осенью, не знаю. Работаю. Подготовил некоторые новые исследования. Сейчас пишу работу по истории науки государственного права в Польше в XVII—XVIII веках с уделением особого внимания отношению ее к Украине. Все это буду печатать в академич[еском] издании» [Там же: 37 об.]. Именно перспектива необходимого заработка в Академии и предоставляемая последней возможность для ее членов периодически печатать свои научные труды в ее академическом издании делали участие в ней привлекательным для Тарановского.

Следующее письмо от 30 марта посвящено преимущественно описанию организационной работы по устройству возглавляемого Федором Васильевичем отдела социальных наук. Автор делится своими опасениями насчет его работы в Академии в связи с тем, что положение последней «вообще может подвергаться разного рода осложнениям, колебаниям, может со временем возникнуть вопрос: будет ли она существовать, или нет; при существующем пока режиме возможно гонение на наше Отделение вплоть до упразднения его или его кафедр, которые носят название юридических» [Там же: 38].

«Я потрянул стариной, ... и балакаю хорошо... Моральная атмосфера у нас сложная, но переносимая, и надо, чтобы больше было людей объективных. Содержание академика 18 т[ысяч] рублей, с добавочн[ыми] 21 тыс. руб. Офиц[иальный] язык — украинский», — с горечью писал Федор Васильевич. Известив Владимира Эммануиловича об общем положении дел в Академии, Тарановский просил его принять приглашение академического Совета работать при ней: «Если согласитесь, то не откажите прислать на мое имя официальное письмо (по возможности на украинском яз[ыке]) с выражением офор[мленного] согласия добавлением, что Вы согласны подчиняться Статуту Академии и дополнительным к нему новеллам о языке. Это новелла Директора, которая ставит русский язык (в качестве второго, после обязательного украинского текста издав[аемых] Академ[ией] научн[ых] исследований, в более стесненные условия сравнит[ельно] с англ[ийским], фр[анцузским] и нем[ецким]). Вл. Ив. Верн[адский] и я протестовали против новеллы, но пока она все же действует. К письму приложите Ваше curriculum vitas [лат. — *жизнеописание*] и список Ваших печатных трудов» [Там же: 38 об.].

Находясь в Киеве, Тарановский неоднократно подчеркивал, что у него много времени занимает работа, связанная с Академией: «Работы уйма организационной..., на мою долю выпадают сношения с властями от имени Правления..., массу энергии приходится тратить на переговоры с властями, начиная с Ф.П. Швеца» [Там же: 39] (1882—1940) — члена Центрального комитета Крестьянского союза и Украинской партии социалистов-революционеров, который в 1919 г. являлся членом Директории Украинской Народной Республики. В то же время Федор Васильевич не оставлял и своих научных занятий: «Научно работаю аккуратно и усердно» [Там же: 39 об.], — писал он другу.

По воспоминаниям современников тех лет, ситуация в Киеве сложилась непростая. Так, соратник Тарановского, последний избранный ректором русского университета в Киеве Е.В. Спекторский (1875—1951) указал, что «академическая жизнь была выбита из колеи» [Спекторский: 17]. Власть в городе постоянно менялась.

С 19 ноября 1919 г. ученый вместе с семьей обосновался в Симферополе, о чем и сообщил Грабарю в письме от 23 декабря: «Пока устроились, а будущее, даже ближайшее, в руке Божьей» [РГБ. Ф-376. Ед. хр. 33: 36]. Далее переписка с Грабарем прерывается и дальнейший путь к спасению семьи Тарановских можно восстановить при помощи довольно подробной автобиографии коллеги Федора Васильевича по Киевской Академии наук, механика Степана Прокофьевича Тимошенко (1878—1972), который, как и многие другие представители русской интеллигенции того времени, старался спастись от кипучего котла гражданской войны в России.

Они встретились в Севастополе [Тимошенко: 183], находившемся в зоне французской оккупации. Ситуация в городе была сложной из-за большого числа скопившихся там беженцев. Тимошенко заметил в отношении Тарановского, что последний переехал в Севастополь «со всей своей семьей, привез даже няню и теперь совершенно растерялся — не знал, что предпринять». Во время прогулок по городу учеными обсуждался вопрос о дальнейших действиях и было решено ехать в Югославию и «там переждать время российской разрухи» [Там же: 183]. Вскоре выяснилось, что в Константинополь отходит французский пароход, и ученые направились к французскому консулу за визой на выезд. Однако оказалось, что пароход должен был вывезти оставшихся в Севастополе иностранцев. «Помог случай», — пишет Тимошенко, у которого

оказался Почетный отзыв и соответствующее удостоверение Общества французских инженеров за труды по строительной механике за подписью министра. На основании предъявленного удостоверения консул выдал Степану Прокофьевичу 11 разрешений на выезд для него, его спутников-коллег и их семей. В их числе были и Тарановские [Там же: 184].

Положение русских ученых было поистине трудным. Плыть пришлось в трюме парохода: «Семья Тарановского расположилась на каких-то ящиках...» [Там же: 185], т. к. пол трюма после дождя покрывался слоем воды. Но они были рады и этому. Тимошенко писал, что никто не имел представления о том, сколько времени займет само путешествие. В нормальных условиях до Константинополя можно было добраться за сутки. Им же пришлось провести в трюме «больше трех недель»: из Севастополя через Евпаторию, Ялту и устье Дуная они наконец-то достигли Турции, на границе которой, около входа в пролив Босфор, простояли около недели на санитарном контроле [Там же]. Собственная провизия, взятая про запас, давно закончилась, а на пароходе кормили три раза в день кашей, давали кипяток для чая и красное вино. Их уже прельщал вид Константинополя. Однако высадка была произведена на острове Халки (греч. название турецкого острова Хейбелиада), второго по величине из Принцевых островов в Мраморном море неподалеку от Константинополя (совр. Стамбула).

Пытаясь скоротать время, ученые направились на прогулку и осмотрели окрестности, где были расположены греческая семинария и монастырь [Там же: 188]. «Служба уже закончилась, и монахи расходились, — вспоминал мемуарист. — Тарановский решил испробовать свои познания в греческом языке, полученные в классической гимназии, и заговорил по-гречески с одним из монахов. Опыт удался». Спустя несколько минут Федор Васильевич «был окружен группой монахов, которых очень интересовала русская революция. Тарановский тоже был увлечен разговором. Это был его первый опыт использования знания греческого языка вне классной комнаты» [Там же].

Через десять дней ученые получили разрешение на посещение Константинополя и отправились добиваться необходимых сербской и болгарской виз. Тарановский, как историк, интересовавшийся Византией, рассказывал много интересного о ее столице, в том числе о соборе Святой Софии, который им удалось осмотреть [Там же: 188—189]. В то же время были и насущные проблемы, требующие неотлагательного разрешения. «В связи с переездом в Сербию у Тарановского остро встал денежный вопрос. На острове кормили даром, но теперь для покупки билетов и для путевых расходов требовались деньги». Федор Васильевич принял решение «продать имевшиеся у него гимназическую и университетскую золотые медали. Для выполнения этой операции мы отправились на противоположный берег залива в Инстанбул и там на одном из “базаров” продали медали» [Там же: 189].

Через несколько дней они покинули Константинополь, заняв места в вагоне третьего класса. «На голых досках, — подчеркнул Тимошенко, — но после всего пережитого турецкий вагон казался очень удобным» [Там же]. Их путь проходил через Адрианополь, Филиппополь (совр. болгарский город Пловдив), Софию, где Тарановский как член Русско-Болгарского общества (содействовавшего болгарской молодежи в получении образования в русских школах) с коллегами посетил Академию наук и университет, в которых ученых особо заинтересовали библиотеки с огромным количеством книг, журналов и последними выпусками трудов европейских академий [Там же: 190]. Далее

они отправились в сербский Цариброд (совр. Димитровград), в товарном вагоне прибыли в Ниш и, пройдя санитарный контроль, наконец добрались до Белграда [Там же: 191]. Так, весной 1920 г. семья Тарановского оказалась в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, как подчеркивает С.И. Михальченко, «среди почти 45 тысяч русских эмигрантов» [Михальченко 2019: 240].

Утром на вокзале их встретил брат жены Тарановского, прибывший в Белград несколькими днями ранее. Он сообщил о том, что город переполнен беженцами и комнату можно снять лишь на другой стороне реки Савы — в Земуне [Тимошенко: 192]. Очевидно, так и поступил Тарановский. Один из его биографов, со ссылкой на воспоминания Е.В. Спекторского, сообщает, что Тарановский обосновался «в расположенной рядом с пригородом Белграда Земунем немецкой деревне Франценсталь» [Михальченко 2019: 240]. С этого времени начинается новый — эмигрантский период жизни ученого, прочно связанный с его работой в Белградском университете и подробно описанный в имеющихся биографических очерках и статьях [Михальченко 2017; Томсинов].

Таким образом, на основе архивных материалов и воспоминаний современников ученого можно довольно подробно восстановить жизненный путь известного историка права Федора Васильевича Тарановского в 1917—1920 гг. Его многочисленные переезды и переходы из одного учебного заведения в другое, вызванные необходимым поиском работы, а также стремление найти для себя обеспеченную жалованьем должность, были продиктованы опасениями ученого за свою семью и отсутствием крупных сбережений на всё дорожающую жизнь в условиях революции и гражданской войны. Проанализированные источники воссоздают обстановку экономической и социальной нестабильности ученого в период революции и гражданской войны; ярко рисуют картину его психологических переживаний, вызванных отсутствием перспектив научной, преподавательской, общественной деятельности, а также крайней жизненной неопределенности, обусловленной страхом за своих детей, о чем он неоднократно писал другу.

Указанный период в жизни ученого интересен и тем, что, несмотря на неуверенность в завтрашнем дне, он много и плодотворно работал в научном плане. В настоящей статье имеются лишь указания на то, что научные занятия Федора Васильевича были систематическими и планомерными (за исключением его активной общественной и политической работы в Петрограде осенью 1917 г.), и именно они составляли неотъемлемую часть его жизни. Естественно, это должно стать предметом отдельного рассмотрения, принимая во внимание трудоспособность Тарановского, его стремление к научным занятиям и учитывая тот факт, что именно в научной работе он видел свое предназначение и именно ей «спасался» от жизненных неурядиц.

Список источников

- Тарановский Федор Васильевич. Письма к Грабарю В.Э., 1911—1916 // РГБ. Фонд 376 — В.Э. Грабарь. Карт. 11. Ед. хр. 32.
Тарановский Федор Васильевич. Письма к Грабарю В.Э., 1917, 1918, 1919 // РГБ. Фонд 376 — В.Э. Грабарь. Карт. 11. Ед. хр. 33.

Список литературы / References

- Бредихин А.Л., Кириенко Г.С. Правовое учение Ф.В. Тарановского: взгляд историка права // Научный журнал «Экономика. Социология. Право». 2021. № 3 (23). С. 86—90.
(Bredikhin A.L., Kiriienko G.S. The legal doctrine of F.V. Taranovsky: the view of a legal historian, *Scientific Journal "Economics. Sociology. Law"*, 2021, no. 3 (23), pp. 86—90. — In Russ.)
- Гончарова Е.А. Жизнь и научная деятельность Ф.В. Тарановского накануне эмиграции // Вестник Волгоградского института бизнеса. Серия: «Бизнес. Образование. Право». 2018. № 2 (43). С. 341—345.
(Goncharova E.A. The life and scientific activity of F.V. Taranovsky on the eve of emigration, *Bulletin of the Volgograd Institute of Business. Series: "Business. Education. Law"*, 2018, no. 2 (43), pp. 341—345. — In Russ.)
- Еремеева А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Платонов И., 2017. 208 с.
(Yeremeeva A. N. "Being in the province according to time conditions...": survival practices of Russian scientists during the Civil War, Krasnodar, 2017, 208 p. — In Russ.)
- Михальченко С.И. Фёдор Васильевич Тарановский // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 16—33.
(Mikhailchenko S.I. Fedor Vasilyevich Taranovsky, *History questions*, 2017, no. 9, pp. 16—33. — In Russ.)
- Михальченко С.И. Эмигрантские годы Федора Васильевича Тарановского // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 239—247.
(Mikhailchenko S.I. The emigrant years of Fyodor Vasilyevich Taranovsky, *Dialogue with time*, 2019, no. 68, pp. 239—247. — In Russ.)
- Спекторский Е.В. Воспоминания / Вступ. ст. С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко; подгот. текста, коммент. С.И. Михальченко, П.А. Трибунского. Рязань: РНИИ, 2020. 654 с.
(Spektorskiy E.V. Memoirs, intr. article by S.I. Mikhailchenko, E.V. Tkachenko; prep. and commentary by S.I. Mikhailchenko, P.A. Tribunsky, Ryazan, 2020, 654 p. — In Russ.)
- Тимошенко С.П. Воспоминания. Киев: Наукова думка, 1993. 424 с.
(Timoshenko S.P. Memoirs. Kyiv, 1993, 424 p. — In Russ.)
- Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII—XX веков: Очерки жизни и творчества: 3 т. Изд. 2-е, доп. Т. 3. М.: Зерцало-М, 2015. 464 с.
(Tomsinov V.A. Russian jurists of the XVIII—XX centuries: Essays on life and creativity: in 3 vols, 2nd ed., vol. 3, Moscow, 2015, 464 p. — In Russ.)

**THE REVOLUTIONARY WANDERINGS OF F.V. TARANOVSKY
AS AN EXAMPLE OF THE FATE OF A REPRESENTATIVE
OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA IN 1917—1920
(to mark the 150th anniversary of the scientist's birth)**

Lyubov V. Isakova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch,
Arzamas, Russian Federation, gorkova.l.v@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the personal life, teaching, social and political work of the law historian, Professor Fyodor Vasilyevich Taranovsky in the period from 1917 to 1920. The chronological framework of the study is determined by the need to consider the biography of the scientist in a difficult historical period — the time of the revolution and the civil war in Russia. Based on the use of archival materials, namely Taranovsky's letters to his friend, the trustee of the Riga Educational District, V.E. Grabar, and the memoirs of his colleague at the Kiev Academy of Sciences, mechanic S.P. Timoshenko, an important stage of the scientist's life was reconstructed. The conclusions of the study suggest that the fate of Fyodor Vasilyevich, filled with life troubles and economic problems, is a classic example of the fate of a representative of the Russian intelligentsia of this time. It is

the analysis of Taranovsky's life and work in 1917—1920 that allows us to answer the question of why he, like many other representatives of the Russian scientific elite of the early twentieth century, was forced to leave his homeland.

Keywords: Taranovsky, revolution, emigration, scientific work, Academy of Sciences, letters, memoirs, Yuriev, Petrograd, Kharkov

For citation: Isakova L.V. The revolutionary wanderings of F.V. Taranovsky as an example of the fate of a representative of the Russian intelligentsia in 1917—1920 (to mark the 150th anniversary of the scientist's birth), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 3, pp. 124—134.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 16.05.2025.

Информация об авторе / Information about author

Исакова Любовь Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, Россия, gorkova.l.v@yandex.ru, SPIN: 9251-3271

Isakova Lyubov Vladimirovna — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of History, Social Studies and Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Arzamas, Russian Federation, gorkova.l.v@yandex.ru